

Жорж Кулецкий

■■■■ ГОЛУБОЙ
МАВРИКИЙ ■■■■

А в а н т ю р н ы й р о м а н

Жорж Кулецкий
Голубой Маврикий

«Спорт»

2011

ББК 47.2.1.2

Кулецкий Ж.

Голубой Маврикий / Ж. Кулецкий — «Спорт», 2011

ISBN 978-5-904885-37-3

Для российских моряков-спецназовцев, которые по мировой классификации называются «морскими котиками», нет таких трудностей, в том числе и финансовых, которые они не могли бы преодолеть. И наши герои вышли с честью из трудного положения, обретя еще и главную ценность в жизни каждого – большую любовь.

ББК 47.2.1.2

ISBN 978-5-904885-37-3

© Кулецкий Ж., 2011

© Спорт, 2011

Жорж Кулецкий

Голубой Маврикий

© Кукушкин В., текст, 2011

© Малецкий Н., текст, 2011

© Издательство «Человек», 2011

* * *

То, что произошло с нашими героями, похоже на сказку. Только события ее развернулись в нынешние дни. Ничего удивительного...

Сказки случаются независимо от времени и пространства.

Во сне ли, наяву ли... Многоцветный воздушный шар парит над сине-бирюзовыми просторами океана. Прямо под ним пара влюбленных дельфинов резвится в волнах, играя на солнце и рассеивая тысячи хрустальных брызг от ударов блестящих тел о воду после очередного прыжка.

А вот мимо пролетела большая ослепительно белая птица, чуть шевеля крыльями – подправляя высоту полета.

Вверху клубятся кучевые облака – белые в верхней части и серые снизу. Тень от них делает воду океана то темно-синей, то серо-зеленой.

Шар приблизился к берегам незнакомой земли.

Изумрудно-зеленый остров, напоминающий жемчужину неправильной формы, окаймлен белым эллипсом пены волн, подходивших к берегу местами на полсотни метров. Это океан бился о цепь коралловых рифов, вздымаясь кое-где на несколько метров в высоту неба. Берег острова белел мягким песком – так, почти в пыль, сердитые волны за долгие годы терпеливо перемалывали кораллы.

Проступили причудливые очертания бухт, лагун и фантастически красивых песчаных пляжей. Эту ленту золотистых берегов нежно, с плохо скрываемой страстью ласкали небольшие волны уже укрощенного океана.

Почти от берега начиналась роскошная зелень холмов. Из них проросли причудливые горы, чьи высокие вершины, схожие с гигантскими пальцами, указывали вверх, – то ли в небеса, то ли еще выше. И уже чувствовался теплый ветер, несущий удивительный аромат цветов и трав. Он чуть колыхал верхушки пальм, и казалось, что это именно они рождают ветер... А вот полоса лазурного мелководья, по которой только что пробежала легкая рябь и теперь кажется, что она также колышет пышные пунцовые кроны нависших над водой деревьев.

И вся эта необыкновенная в своей неправдоподобной красоте картина сопровождается тихой сладкой мелодией.

Сон? Или все-таки явь?

Не бывает на земле такого великолепия! Или все же бывает?

Бездонные, казавшиеся неподвижными небеса в мгновение ока из лазоревых превратились в чуть покачивающийся белый потолок самой что ни на есть обыденной московской квартиры.

На неразобранной, скорее, просто скомканной постели лежит мужчина в черных брюках с наутюженной «стрелкой». Левая рука покоится на животе, пуговички кремовой рубашки застегнуты как-то наперекосок. Правая рука вытянулась вдоль тела, кончаясь здоровенной «лапой», в которой запросто мог бы уместиться баскетбольный мяч. Мужчина глубоко дышит,

время от времени что-то бормоча. Волосы прилипли ко лбу с проступившими на нем росинками капелек пота.

Наконец, с усилием приоткрыв непослушные веки и издав легкий стон, он хриплым голосом обратился к спящему в соседней комнате на диване крепкому мужчине тридцати с небольшим лет.

– Василий, а ты землю обетованную видел?

Василию, похоже, даже открыть глаза было нелегко, тем более – пошевелиться. Он спал, не раздеваясь, в летних бежевых брюках и голубой, в тонкую белую полоску рубашке с расстегнутым воротом.

На груди у него покоится большой черный профессиональный фотоаппарат. Лыняной темно-синий пиджак висит неподалеку на стуле. Он с трудом понимает, что вопрос из соседней комнаты адресован именно ему.

– А она есть? – бормочет он вопросом на вопрос. – Пока не видел... Это что – рай? Нам туда пока рано, да, боюсь, и не пустят...

– Значит, это был сон, – вынес приговор самому себе инициатор разговора по имени Игнат и тихо выдохнул. – Боже! Какой прекрасный сон...

С этим он попытался переместить тело и спустить ноги на пол. Сказочное путешествие на воздушном шаре закончилось, а реальность уже забухала колоколами в голове, которая, казалось, вот-вот расколется на четвертинки, а то и на более мелкие части. Игнат с трудом поднялся, босиком, нетвердой походкой моряка, идущего по палубе в шторм, добрался до кухни, заглянул в холодильник, сверкавший пустотой, осмотрел, переворачивая, бутылки на столе: сначала водочные, потом пивные. На нескольких тарелках лежали «вспотевшие» кусочки салами и скукожившиеся обрезки сыра. Его «водило».

Пошатываясь, он вошел в комнату, где лежало тело друга. Василий уже повернулся на живот и шарил рукою по полу возле дивана, из-под которого почему-то высовывался элегантный шелковый галстук. Фотоаппарат с груди переместился к голове. Рыжеватые волосы искрились в солнечном луче, пробившемся в комнату.

Наконец он нащупал коньячную бутылку с замысловатой наклейкой. Увы, она оказалась безнадежно пустой. Игнат плюхнулся неподалеку в мягкое, болотного цвета плюшевое кресло.

И в это мгновение зазвучал Моцарт. На самом деле это был звонок мобильного телефона, который задергался под неровно застегнутой рубашкой Игната. Выловив телефон, Игнат начал отвечать ссохшимся голосом.

– Любимая... Да, я... Я, Игнат... Ну, голос такой... Вчера, понимаешь, мальчишник случился... Да, с Васькой... Он лежит без ног, я без башки... Приеду... Приеду, говорю... Паровоз уже под парами... Если, конечно, «подлечусь» и не помру. Целую.

Любимая не спешила завершать разговор, но Игнат был явно не в форме.

– Извини, дорогая, батарейка садится, – пробормотал он торопливо и нажал на кнопку «отбой».

Из ванной послышался веселый женский хохот. Игнат взялся за голову, глубоко вздохнул и прикрыл глаза.

– Жизнь не удалась, но попытку засчитали! – произнес он глубокомысленно, даже с пафосом, впрочем, без надежды на то, что кто-то оценит это высказывание, претендующее на место в книге «мудрых изречений». – Василий, будем полагаться на вспышки памяти или ждать сведений со стороны? – поинтересовался он у друга.

– Положимся на цепкий взгляд моего объектива и посмотрим, что у нас сохранилось в этой железякиной памяти, – ровным, можно даже сказать, равнодушным голосом отозвался Василий, которому произнесение большинства звуков давалось явно легче, чем другу. При этом он взялся за камеру.

Вот они, чудеса цивилизации и компьютерной фотографии! На довольно большом экране во всю заднюю стенку «Никона» начали появляться неожиданные изображения. Откуда-то вдруг выплыли... цыгане.

Всевидящий объектив запечатлел весь вчерашний вечер, уже ставший одним из воспоминаний богатой на события жизни. В этих воспоминаниях сначала дивно запели цыгане: «К нам приехал, к нам приехал...», подносявшие Игнату стопку водки на черном с яркими розами жостовском подносе...

Потом в лихом бесшабашном танце замирали цыганки. И как же хороши были их красные с черным юбки, как гремели каблуки туфель на паркетном дубовом полу, как красивы были внезапно обнажавшиеся ноги... А как звенели мониста из старинных серебряных монет, как сверкали серьги, и какими обжигающими были их взгляды! Но строго смотрел с другой фотографии цыган в черной шляпе с гитарой и с большой серьгой в ухе, давая понять – можешь смотреть, можешь выпить стопку, но руками цыганок не трогай. И всплывали уже отзвучавшие тосты в честь капитана второго ранга Игната Коршикова, его товарищей и его будущей сухопутной жизни.

Картинки возникали в голове Игната, сменяли друг друга и растворялись вместе с прощальным денежным довольствием... Вспомнилась цыганка с трубкой во рту, седая, в яркой косынке, с непременными серьгами и монистами, которая сразу сказала: денег не возьму, «спасибо» за гадание не говори... А ведь нагадала по руке немереную прибыль... А следом их залет в казино... Вот он, этот проклятый шарик, который снова остановился в соседнем секторе, – потому и уплывали от Игната фишки в гавань крупье... Но ведь нагадала цыганка!..

Самые неприятные из воспоминаний – неожиданный проигрыш всего до копейки... Противная рожа оценщика из казино, осматривающего новенькую «Тойоту» Игната. Опять рулетка. И вот сам Игнат, словно кричащий дурным голосом: «Зеро!» Всплыло в памяти красивое лицо темноволосой девушки-крупье и ее тихое, но четкое, как приговор: «Семь, черное». И осознание проигрыша.

Больше фотографий не было, но и без них оба, сидя напротив друг друга этим нерадостным утром, все уже вспомнили.

Домой добирались на «автопилоте», дома запасами в холодильнике и баре – початые бутылка водки и бутылка коньяка – «поминали» отпускные, увольнительные и автомобиль, недавно взятый в кредит. А потом...

Лучше бы и не вспоминать, но ведь и это было!..

Часа в два ночи Игнат, ретиво вскинув упавшую на грудь голову, предложил вдруг:

– Что-то скучно мы с тобой сидим без женского пола. Знаешь, Илья Муромец подъехал к камню и прочитал: «Налево пойдешь?» Ты своих моделей можешь высвистать?

На что, еще не утративший трезвого взгляда на жизнь, Василий живо отреагировал:

– Если ты их увидишь утром без макияжа и без шмоток «от кутюр», тебе плохо станет. Во-первых – кости, во вторых, какой походочкой они ходят – мамма миа!..

При этом он попытался было подняться, чтобы продемонстрировать, как правая нога может уходить влево сантиметров на двадцать от оси движения. Но правая, действительно пошла влево, а левая стремительно подломилась, и он плюхнулся обратно в кресло, благодарно заключив:

– К тому же мне с ними работать.

Но Игната уже «понесло». Теперь не без стыда он вспомнил, как на заваленном «прессой» журнальном столике нашел-таки нужную газету. Как набрал какой-то номер и заплетающимся языком начал переговоры по телефону о заказе в службе знакомств. Как обсуждали – кого пригласить: может, двух блондинок? Но Василий почему-то пожелал непременно «брунетку», не понимая, зачем они им вообще понадобились, эти блондинки-брунетки, и что с ними делать.

Ведь все части организма уже живут своей самостоятельной отдельной жизнью, не подчиняясь ни командам из головы, ни первобытным инстинктам. К тому же отчаянно хотелось спать.

И вот теперь, в утренней реальности, девчонки – скорее всего, действительно блондинка и «брунетка» – хохотали в ванной. Над чем или над кем они смеялись, и, вообще, узнают ли заинтересованные стороны друг друга...

– Игнат, – прошептал Василий, – спроси девчонок, мы им ничего не должны?

– Сам спроси...

Через несколько минут хлопнула входная дверь, означая, что ночные гости ушли, а с их уходом закончились и воспоминания. Теперь предстояло начинать жизнь сначала. Игнат, снова рухнув на постель, закрыл глаза.

Когда часа через полтора он вновь разжег веки, перед ним стоял уже умытый и одетый Василий. Надо сказать, что Василий был рослым, отлично скроенным мужиком с классической фигурой пловца – широкие плечи, длинные ноги. Галстук он засунул в карман пиджака, где с приятным удивлением обнаружил несколько купюр по сто рублей. Теперь, держа их в руках, он вопросительно смотрел на Игната.

– Да, давно мы так не принимали... – глубокомысленно изрек Василий. – Хорошо хоть не до чертиков.

Голова трещала, в организме ощущалась какая-то дрожь, но друзья решили не похмеляться, чтобы не уйти в новое пике. Попили крепкого чая и двинулись в сторону известной им бильярдной, чтобы, используя наследное мастерство Игната – папа был знаменитым маркетром, а теперь уже и сын стал известен как мастер русской пирамиды, – попытаться исправить пошатнувшееся финансовое положение.

...В каюте капитана корвета «Стремительный» сидели двое. Сам командир – капитан Петр Степанович Юхнин, сорока лет, но уже с пробивающейся сединой, в форменном спортуке с эполетами, но без аксельбантов и прочих принадлежностей, – и чисто выбритый, с полоской черных усов, лейтенант Александр Коршиков, который уже оделся для скорого выхода на вахту. На столе лежал коричневый пакет под сургучными печатями.

– Вот какое дело, Александр Викторович, – чуть грустя, произнес капитан. – Перед нашим уходом из Кронштадта меня вызвали в Петербург в Адмиралтейство и вручили этот пакет со строгим наказом вскрыть на подходе к Маврикию. Примерно за сутки хода. При этом было указано, что этот конверт – нам обоим, а тот, который внутри, лично вам... Я и сам немного удивился, получив такое распоряжение, вы у нас человек молодой и уже на примете в Адмиралтействе. Правда, вы и в Географическом обществе состоите. Полагаю, что это по географической части... Не возражаете, если я вскрою?

И Юхнин, понимая, что отказа не будет, потянулся за специальным ножом для открывания почты. На темляке у него была голова льва – нож был куплен по какому-то случаю в Сингапуре, где львов особенно боготворят.

Коршиков согласно кивнул. Он и сам был немного озадачен такой ситуацией.

Юхнин начал читать про себя лист с императорским вензелем наверху и, по мере прочтения, приходил во все большее изумление.

Дочитав первую страницу, он молча передал ее лейтенанту.

Александр по мере чтения становился все более и более серьезным, хотя он и был предупреден одним из сослуживцев еще до ухода в поход, что касательно него готовится распоряжение.

От хлесткого удара бильярдные шары разлетелись по всему столу. Игнат действовал в своем привычном стиле – агрессивно, используя тактику «силового давления», – как любят повторять хоккейные телекомментаторы.

Постепенно партия приближалась к эндшпилю, то есть к завершающим ударам. Еще один удар – и раздался дребезжащий звук вибрирующего дерева.

– Кикс, – произнес маркер и неторопливо поставил шар с полки, прикрепленной к стене, на зеленое сукно стола у пустого борта.

На полке Игната теперь лежало пять шаров. У соперника – довольно мрачного парня в рубашке, больше похожей на ковбойку, правда сшитую, скорее всего, в этой самой стране ковбоев, было шесть – и право удара. Для него было не столь важно, что выиграны триста рублей, он знал, что обыграл известного мастера, и этот успех воспринял с достоинством, без дешевого ликования, скорее, как победитель важного матча на Уимблдоне – подошел и пожал руку Игната со словами «спасибо за игру».

Игнат извлек из кармана последний полтинник. Его мутило, руки подрагивали. Он тяжело посмотрел на друга, точнее – на его фотоаппарат, висевший в районе груди в положении боевой готовности. Перехватив этот взгляд, Василий отчаянно прижал камеру к себе.

– Это – мой кусок хлеба! – мрачно сказал он. – Не подходи – зашибу!

Игнат сделал руками примиряющий жест, словно говоря: что ты, что ты, ни-ни, спокойно, спокойно, никто на твой кусок хлеба не посягает, и в мыслях не было...

Коршиков понял серьезность момента и отвел взгляд.

Друзья вышли из бильярдной. Настроение – хуже некуда. В карманах звенела пустота. Игнат понимал, что попытки оправдаться ни к чему не приведут. Да, киксанул пару раз, так ведь такое было состояние, что и глаз не наострен, да и в правой руке, главной у бильярдиста, ощущался некоторый тремор. Но голова уже начинала соображать. Тема для соображения была одна – где взять денег? Надо как-то выкарабкаться. Они спустились к закованной в гранитные берега реке.

– Эх, был бы здесь берег нормальный, сейчас бы искупались, освежились, глядишь, и кувшин какой нашли бы, – рассуждал Игнат, безразлично глядя на Москву-реку, по которой шел бывший речной трамвайчик, переделанный под прогулочное судно и переименованный оборотистым судовладельцем в «Царицу Елену» в честь то ли своей жены, то ли подруги.

– Какой кувшин? Зачем? – не сразу понял Василий.

– Ну этот, со стариком Хоттабычем...

– А... этот... Знаешь, объявление в газете напечатали: «Трахую, тибидохаю с 10 до 18, перерыв на обед с 13 до 14 часов». И подпись: «С. Хоттабыч».

И хотя анекдот был с бородой, Игнат все равно рассмеялся. Постепенно он приходил к мудрости, изреченной старшиной Григорием Матвиенко, когда они обсуждали план действий в севшей на мель подводной лодке. Посадка на мель была учебной, но все равно неприятной.

– Так вот, парни, запомните, безвыходных ситуаций не бывает, – сказал тогда старшина второй статьи таким тоном, словно гвозди заколачивал, чтобы врезалось, как говорится, на всю оставшуюся жизнь, до гробовой доски.

После этого старшина приказал задраить переборку, надеть гидрокостюмы и открыть аварийный люк. Сверху обрушился поток воды.

Так на всю жизнь они и запомнили, что выход всегда есть, надо только не теряться и сообразить, где находятся гидрокостюмы и этот самый люк.

– Безвыходными бывают только пустые головы, – подвел тогда итог старшина, когда все сидели в учебном классе, отойдя от полчасика назад пережитого потрясения.

Игнат у себя в квартире, стоя на табурете, который опасно пошатывался под его весом, рылся на антресолях и бурчал, подавая Василию то перевязанную пачку книг, то старые коньки.

– Ищите да обрящете... – послышалось, наконец, его удовлетворенное высказывание. – Мать нашу...

С этим он вытащил из-за завалов небольшой сундук деда – потомственного моряка. Вместе друзья начали извлекать на свет божий всякую рухлядь: коробку с секстантом, подзорную трубу в футляре, странные навигационные приборы, морские карты и, наконец, несколько классеров со старинными марками.

Собственно ради них Игнат и затеял эти поиски – вспомнил о марках как о ценности, которая может быть реализована. Теперь оставалось узнать, где и как можно осуществить «операцию». С помощью нескольких телефонных звонков требуемая информация была получена. Оставалось реализовать задуманное.

Дочитав первую страницу, Юхнин молча передал ее Александру.

Тот тоже по мере чтения становился все более и более серьезным.

– А я и не ведал, что под моим началом такой офицер находится, – завершив чтение второй страницы, простодушно признался капитан. – Так вы, Александр Викторович, являетесь особо доверенной личностью, поручаются вам дела государственной важности, можно сказать, с перспективой на века... Ну, свой конверт вы у себя в каюте открывайте, мне и знать того, что, судя по всему, вам поручается, не стоит. Пусть пока все идет своим чередом, а завтра в десять утра жду вас у себя, чтобы мы смогли обсудить план наших действий... Да, пусть все идет своим чередом, так что продолжайте службу, как и предусмотрено судовой ролью.

...Океан лишь бугрился волнами, ветерок слабо тянул, а потому вахта у Александра выдалась спокойной, можно было и предаться размышлениям...

Знаменитый «угол» филателистов на углу Таганской площади был, как обычно, оживлен в этот субботний полдень и даже местами гудел, как потревоженный улей. Суббота – деловой день, в субботу сюда многие наведываются – вдруг да принесет шальная волна какую-нибудь неожиданность. Кто-то просто беседовал, кто-то показывал новинку своей коллекции в надежде, что она будет оценена по достоинству. Были и те, кто высматривал потенциальных продавцов или покупателей. Одеты все были по-разному, но без претензий. Среди филателистов авторитет определяется знаниями почтовых раритетов и обладанием достойной коллекции по той или иной теме. Даже наличие стоящего неподалеку автомобиля не являлось признаком благосостояния в филателистическом мире. Словом, весьма колоритная и разношерстная публика.

Игнат с Василием выбирали «тертого калача», которому можно было бы предложить добытый классер, – решили продать все сразу, оптом. Но и прогадать не хотелось. Наконец их взгляд остановился на художавом парне, к которому подходили другие, что-то показывали, и он давал справку, словно оценивал показанную ему марку. Выждав момент, друзья подошли к нему – мол, не посмотрите ли, может ли это чего-то стоить?

«Калач» и вправду оказался тертым, глянул на марки, крикнул и, чуть покачав головой, произнес: «Такую коллекцию надо показывать Митричу. Тот и цену даст, и не надует». Увидев, что друзья утвердительно кивнули, «калач» почтительно сопроводил Игната и Василия к самому Митричу.

Марки с изображением советских орденов, введенных в обращение во время войны, были известны, но встречались редко, особенно в таком хорошем состоянии, а потому и стоили немало. Взять их за «пяточок», конечно, соблазн был, но можно и нарваться на неприятности, поди знай, кто такие эти продавцы, кто за ними стоит. Да и слыть обманщиком «калачу» не хотелось. Все-таки он считался экспертом и получал свои комиссионные при серьезной сделке, когда надо было давать цену согласно цюрихским или гиббонсовым каталогам. У филателистов своя этика.

Митрич, к удивлению друзей, оказался человеком молодым, в круглых очочках на таком же круглом картофельном носу. Мельком глянув на увесистый коричневый кляссер выпуска начала семидесятых годов, открыв всего пару листов и не спрашивая о цене, он коротко бросил: «Беру! Все или еще есть?»

При этом он достал бумажник и извлек оттуда три оранжево-красных купюры по пять тысяч рублей.

– Такие пойдут или по тысяче? – поинтересовался «купец».

– Лучше по тысяче, – среагировал первым Василий, молниеносно сообразивший, что удастся создать «нз» на их существование. Может, даже на несколько дней хватит, если обойтись без пива, казино и бильярдной. Знал, что Игнат может спустить пять тысяч в один миг.

Тут за спиной Митрича возник странный тип разбойничьей наружности, каких любят снимать в нынешних кино.

...Океан лишь бугрился волнами, ветерок слабо тянул, а потому вахта у Александра выдалась спокойной, можно было и предаться размышлениям...

А поручалось Коршикову ни много ни мало, как... остаться на острове Маврикий и собрать в течение года, до прихода нового российского корабля, информацию в максимально возможном объеме для оценки этой точки в Индийском океане как военно-стратегической базы. Неплохо будет, если ему удастся обзавестись различными знакомствами и друзьями.

Англичане и французы называли остров «звездой» Индийского океана, но вообще-то он был скорее «ключом» к этому огромному пространству. Не случайно в начале века сражались за него великие державы.

Корвет встал на внешнем рейде Порт Луи, с него была спущена шлюпка, на которой Юхнин в парадной форме, в сопровождении двух офицеров отправился на берег.

Сидя в полумраке небольшого кафе, каких немало в районе Таганки неподалеку от театра, Игнат и Василий пришли к пониманию, что жизнь явно налаживается. На столе стоял кувшин с клюквенным морсом, графинчик водки – Василий настоял, чтобы взять только по двести граммов, а потому от классической бутылки «ноль семьдесят пять» они отказались, – плетенка с белыми и коричневатыми булочками и две плоские с любимым обоими салатом «оливье».

– Нас ждут блестящие перспективы! – пытался внушить оптимизм своему другу Василий, остановив его намерение выпить первую рюмку без тоста.

– За перспективы, – торопливо, по-новомодному кратко произнес Игнат, чтобы не обидеть друга, но и не затягивать процесс. Друзья, запрокинув головы, «кинули» в себя содержимое рюмок.

И как раз в этот момент на столе появились четыре темно-коричневых керамических горшочка с пельменями. С первой пары горшков крышки были сняты, над ними поднимался пар и изнутри исходил волшебный аромат. Вторую пару оставили прикрытой, чтобы сохранить тепло. Выпили, закусили, махнули еще по одной – и Игнат вдруг начал вспоминать всяких красавиц, которые встречались на его жизненном пути. А Василий под рассказы друга размышлял о своем: о великих фотографиях женской натуры, которые он уже начал делать для будущего альбома высокого искусства.

– Ты понимаешь, женская красота – это что-то особенное, – прервал монолог друга Василий. – Знаешь, какая женщина меня больше всего потрясла? Ника Самофракийская в Лувре. Я часа два стоял на лестнице у ее подножия и не мог оторваться. Вот там я и решил, что сделаю свой альбом. И назову его просто – «Женщины всегда красивы». И никакой обнаженной натуры... В одетой женщине больше тайны, она сильнее будит воображение.

При слове «воображение» Игнат вспомнил сон, в котором ему привиделись бездонные синие небеса, желтый берег и зелень гор неизвестной земли, – и мечтательно вздохнул.

К столику, за которым восстанавливались Игнат и Василий, подкатил тот самый «калач», который недавно адресовал их к Митричу. Поначалу он сидел неподалеку и приглядывался к друзьям, которым в этот момент было явно не до него. Когда ситуация показалась ему благоприятной, с тремя бокалами свежего пива и конкретным предложением он подошел к столику друзей.

– Сьершим «малолетку»? – поинтересовался «новичок».

Приятели не сильно разбирались в местной терминологии, но к тому моменту уже всякий человек виделся им братом, а посему согласились хором и одновременно.

– О чем речь?!

– Филипп, – представился «новичок».

– Еще один Киркоров? – поинтересовался Василий, к которому вернулись веселое настроение и бодрость духа.

– Всего-навсего Берг, – потупив взор, ответил Филипп.

В общем-то, стоило ему хоть чуть-чуть улыбнуться, он выглядел не таким уж «тертым калачом», даже симпатичным и обаятельным. Была в нем даже некоторая застенчивость, свойственная немногим интеллигентным людям, которым порой кажется, что они на самом деле хозяева жизни. Вот только обстоятельства не сложились, а потому окружающие и не видят их морального величия. Для таких духовное богатство – высшая ценность. Правда, по каким-то династическим линиям он относился к широко разветвленному клану адмирала Берга, больше известного не как флотоводец, а академик некогда запрещенной кибернетики.

У Игната тем временем зазвонил телефон.

– Да, любимая... – Голос его уже приобрел некоторую вальяжность и глубину, в нем появились полутона, которые как раз и придают ему окраску. – Местами жив... Мы? Мы в бильярдной... Народу много, шумят: очередь большая... Прямо сейчас не могу: доигрываю партейку... Веду пять: три, но упорный у меня соперник... Знаешь, я перезвоню, батарейка садится.

И, как оказалось, сделал это вовремя. Потому что тут-то и началась главная часть истории.

– Мужики, вы, собственно, откуда взялись? – поинтересовался Филипп. – Ведь тот кляссер, который вы продали Митричу, настоящим филателистам известен. Это из коллекции знаменитого «Маврикия».

– Что-то не так, деда звали, как и меня – Игнатием, а отчество у него было Порфирьевич, – уверенно возразил Игнат.

– Может быть. Но среди филателистов его звали «Маврикием», – поведал Филипп, – он как-то рассказывал, что его далекий предок был мореходом, ходил в Индийский океан. На Маврикии у него были разные приключения, даже с пиратами знался, а на острове у него случился роман с англичанкой, и там остались их письма друг другу, а на одном из конвертов есть «Голубой Маврикий».

И Берг рассказал Игнату и Василию удивительную историю марки «Голубой Маврикий»: почему она такая уникальная и что стоит на нынешние деньги минимум три миллиона долларов. Три года назад на аукционе в Цюрихе за нее дали даже три с половиной.

– Ваш предок говорил, что найти ее можно только при помощи карты и дневников, хранящихся у одного из потомков морехода. Он, мол, имеет к ним доступ, но денег не было на поездку, да и сами понимаете, кто бы его в то время выпустил за границу, тем более на Маврикий.

Василий слегка пихнул Игната. Хмель уходил из голов друзей, хотя, по идее, ерш должен бы начать действовать.

Новоиспеченные компаньоны покончили с графинчиком, доели пельмени, угостив этим волшебным блюдом и Филиппа, и, расплатившись, отправились по уже известному адресу в известную квартиру на поиски волшебных ключей к кладу.

В припаркованном к тротуару Таганской площади сером «Фольксвагене» сидели двое парней, которые еще полчаса назад прохаживались среди коллекционеров, так ничего и не купив. И вот теперь один из них, «чернявенький» – тот самый, разбойничьего вида, мелькнувший за спиной у друзей – почтительно разговаривал с кем-то по телефону.

– Львович, с одной стороны, ничего особенно интересного сегодня не было, но есть информация неожиданная. Объявился наследник Маврикия, принес кляссер старика и отдал его Митричу за пятнадцать. Но к ним потом в кафе подсел Филя, и позже они отправились на квартиру к наследнику.

Сначала «чернявенький» довольно долго молча слушал ответ. Потом ответил коротко:

– Понял, – и обернулся к сидевшему за рулем напарнику. – Дима, новая вводная. Велено встретиться с Филиппом, после того как он уйдет от «наследников», и выяснить, что к чему. Где Филя живет, можем узнать?

С этим они покинули «Фольксваген», направились к уже заметно поредевшей толпе филателистов – добывать нужную информацию.

Корвет встал на внешнем рейде Порт Луи, и тут же с него была спущена шлюпка, на которой Юхин в парадной форме, в сопровождении двух офицеров отправился на берег.

Из дневников лейтенанта Александра Коришкова:

«Вместе с господином капитаном Юхиным часов около десяти утра мы нанесли визит капитану порта, как того требуют правила, предъявили бумаги наши. Капитан порта легко изъяснялся по-французски, хотя и англичанин. Мне довелось быть толмачом. Пока мы были у капитана порта, к нему приехал посыльный от губернатора Гомма, который пригласил нас к себе на вечерний чай. Мы быстро вернулись на корвет и переоделись в парадную форму, как того требует этикет. Затем снова в шлюпку и в половине пятого пополудни подошли к пристани. Оттуда взяли коляску, хотя можно было до дома губернатора идти и пешком.

Губернатор Вильям Гомм, человек улыбочивый, охотно беседующий на двух языках – английском и французском, – осведомился о том, как проходит наш поход. Здесь я опять был толмачом для нашего Петра Степановича, хотя он и знает по-французски изрядно. Из нашего экипажа у губернатора были еще судовой доктор и старший штурман г-н Просветов».

В квартире Игната друзья вместе с Филиппом для начала расположились на кухне, поставили чайник, поискали в шкафчике каких-нибудь завалывшихся пряников или сухариков.

– Маврикий был одной из первых стран, в которых ввели в обращение почтовые марки, – начал свою вводную лекцию Филипп. – Больше того, именно на Маврикии были выпущены две самые ценные у филателистов марки – «красный пенни» и «синяя двухпенсовая» с надписью «Post Office». В 1842 году на остров был назначен английский губернатор Вильям Гомм, который увидел, что почтовая служба, доставшаяся ему после французов, просто никуда не годится. В Англии марки были введены в обращение в 1840 году, в Бразилии и Швейцарии в 1843, а в США в 1847. В 1846 году, в декабре, Гомм издал приказ № 13 о том, что отныне можно выпускать собственные марки острова. За образец он избрал знаменитые красную и синюю английские марки в один пенни. Нашли местного гравера – Джозефа Осмонда Барнара, который двадцати двух лет приплыл на остров из Портсмута. Гомм заказал ему по пятьсот марок в один и в два пенни. И надо же было такому случиться, что по случаю установки нового убранства Дома правительства супруга губернатора, леди Гомм, решила устроить бал 30 сентября 1847 года. Причем не просто бал, а костюмированный.

Друзья заинтересованно слушали – история оказалась интересной, хотя до того момента, когда в ней появится их далекий пращур, было еще далеко. Так что Василий, не отрываясь от слушания, успел еще раз поставить чайник.

– Приглашения были готовы, но надо было их разослать. Этот самый гравер уже завершал работу, но забыл, что должно быть написано в левой колонке рядом с профилем королевы. Он отправился к главному почтмейстеру, но, подойдя к зданию, увидел вывеску «Post Office». Решил, что это как раз и требуется, и, не входя в контору, повернул обратно в свою мастерскую. В общем, он напечатал семьсот марок. А тут еще и губернаторша торопила. Вот и пошли в дело конверты с новенькими почтовыми марками.

– Так в чем ошибка-то? – не слишком разобравшись в ситуации, поинтересовался Игнат.

– Надо было написать «Post paid» – это означало, что почтовые расходы оплачены, а потому при доставке письма с адресата не надо брать денег. Ну, как сейчас. Покупаешь марку и тем самым оплачиваешь все расходы по пересылке. Потом на Маврикии сделали новый тираж, с правильной надписью. Однако первые марки разлетелись за несколько дней, и уже через несколько лет стали предметом охоты среди английских коллекционеров.

– Это, конечно, интересно, но как мой предок в эту историю попал? – поинтересовался Игнат.

– Маврикий – ты, конечно, извини, что я твоего деда так называю, – говорил, что ваш предок был в тот самый момент на острове и получил приглашение на бал. Протекцию ему составила племянница губернаторши. А потом были у него какие-то обстоятельства, и он переписку с племянницей и это самое приглашение спрятал где-то на острове, поскольку пришлось довольно скоро ему ретироваться оттуда. Потом он все-таки добрался до Англии и женился на этой самой англичанке.

– Ну вот, а ведь писал в анкетах, что родственников за границей не имеешь, – пошутил над другом Василий.

– Ладно, – примирительно сказал Игнат. – История, конечно, интересная... осталось только найти карту с пометкой, в скольких шагах от дерева спрятано сокровище... Ну и, конечно, сгонять за ним на Маврикий.

– А ведь были в сундуке какие-то карты, когда мы марки доставали, – напомнил Василий. – Может, это они и есть?

Снова пришлось соорудить шаткую пирамиду из стула и табуретки, чтобы подальше залезть в глубину антресоли. Сначала извлекли уже известный сундучок с классерами. Следом начал спускаться порядком запыхавшийся Игнат, волоча за собой старинный сундучок меньших размеров. Замков на нем не было, только кованая старинная латунная петля была наброшена на ушко.

Теперь на очищенном от тарелок квадратном кухонном столе троица с восхищением рассматривала старинную карту и дедовские дневники. Среди записей были сведения о письмах, о приглашении на бал к губернатору.

– Точно, все сходится, – возопил Филипп. – Марка была наклеена на конверт женой губернатора. Об этом во всех книгах написано.

Филипп, придя в возбуждение от находки, хотел и дальше читать свою лекцию по филателии, дабы раскрыть все нюансы этой истории, но друзья его все-таки остановили.

Когда в человеке заканчивается филателист? Когда заканчиваются деньги и нет больше времени заниматься любимым увлечением. Не говоря уже о том, что нет больше возможностей просто ездить на угол коллекционеров.

– Слушай, Филипп, а ты, вообще-то, чем занимаешься? – поинтересовался Игнат, не очень-то рассчитывая услышать правдивую историю из уст филателистического купца-продавца.

– Вообще я закончил МИФИ и занимался компьютерными технологиями, кандидатскую защитил, был программистом, – начал издали ровным голосом Филипп. – А в детстве, как и все, начал собирать почтовые марки. И пришла мне в голову идея создать компьютерный каталог всех марок мира.

– А что, еще не создали? – поинтересовался Игнат, решивший ограничить нынешний вечер только чаем.

– То-то и оно, что нет, – начал горячиться Филипп. – Немцы ежегодно выпускают каталог марок с указанием текущих цен, но этот том весит килограмма два, к тому же все марки там воспроизведены в черно-белом виде. А я хочу делать его в цвете, с возможностью постоянного обновления информации. Я придумал поисковик и описал его.

– Ну и в чем дело? Развивай свой бизнес и качай потихоньку из этой скважины, – подал немудреный совет Василий. Он вообще называл всякий бизнес одним словом – «скважина».

– Денег нет. Нужно инвестировать в проект сотни три тысяч нерусских рублей.

– Долларов, что ли?

– Ну да.

– Ладно, не печалься, – к Василию начал возвращаться привычный оптимизм. – Игнат, давай возьмем его в партнеры. Если нам повезет, то, глядишь, и Филиппу поможем, а может, и войдем в его дело, – продолжил он и улыбнулся, увидев, что у новичка от удивления открылся рот.

Господи, о чем они говорят – ведь сами только что продали дедовские марки, чтобы похмелиться и закусить, а уже говорят о миллионах, о бизнесе, в котором ни хрена не понимают. Вот она – российская натура, широкая и авантюрная.

– Мужики, а вы-то сами кто такие, сами-то чем занимаетесь? – поинтересовался Филипп.

– Ты о «морских котиках» слышал? – ответил вопросом на вопрос Игнат. – Так вот мы и были нашими российскими «морскими котиками». Служили в таком морском спецназе. Василий дошел только до старлея, пять лет назад ушел на гражданку, а я вот всего неделю назад, но зато кавторангом. Так что по морям-океанам ходили... Теперь вот пробую сориентироваться в бурном житейском море. Была у меня идея, но вот налетели на мель, придется повременить. А Василий у нас в гламурном мире пришвартовался – его фотографии появляются время от времени в самых топовых журналах, не хухры-мухры...

При этом Игнат уважительно посмотрел на друга. Потом вспомнил о своей, канувшей в лету «Тойоте», об оценщике из казино – и загрустил...

Лев Львович Красавин сидел в позе Рамсеса у входа в какой-то храм в знаменитой Долине царей в Египте. Правда, он был босиком, в шортах вместо набедренной повязки, руки положил на подлокотники, а само мягкое плюшевое кресло было светло-зеленого цвета и не имело ничего общего с каменным тронem. Он любил разгуливать по квартире босиком, так как искренне считал, что лиственничные доски пола дают какую-то дополнительную энергию, в которой нуждается его тело.

Как и большинство низкорослых людей, он был, пусть и в небольшой степени, подвержен комплексу Наполеона. Правда, получалось не очень. Вообще-то в детстве и в школьные годы он носил фамилию Блинштейн и, естественно, прозвище у него было Левка-блин. Тогда еще слово «блин» не имело того дополнительного вульгарного смысла, который в него стали вкладывать в годы перестройки и дикого капитализма. Одноклассники относились к нему вполне доброжелательно и отдавали должное его способностям в математике, хотя, скорее, он должен был бы иметь тягу к скрипке. Но это, разумеется, спорно.

Лева, которого с годами и с появлением все большего количества «серебра» на висках стали все чаще называть «Львович», после школы закончил строительный институт, который, несмотря на непрестижность, давал освобождение от службы в армии. Он не заблуждался по

поводу своих возможностей – с «пятым пунктом, да к тому же с бабушкой-пираткой» в престижные институты ему лучше было не соваться. В итоге он занялся в семидесятые годы строительством отнюдь не престижным – газовыми сетями, а точнее – строил перекачивающие подстанции, начиненные турбинами и всяческой техникой, которая с каждым годом становилась все совершеннее.

Еще в институте он понял, что каждый человек – сам кузнец как своего счастья, так и несчастья. На четвертом курсе он начал поглядывать на пополнение студенческого контингента за счет слабого пола и на одном из вечеров разглядел двух подружек – Катю и Наташу. Одна была побойчее, вторая – как-то «мягче». У той, что побойчее, фамилия была Красавина, а у подружки – Ягурнова. В том, что он больше не будет «Блином», у Левы была уверенность, тем более что ни Ягурнова, ни Красавина расставаться со своими фамилиями не намеревались. В общем, дело обстояло, как в анекдоте о приеме новой бухгалтерши на фирму: задают вопросы о том, сколько будет дважды два, а берут ту, у которой формы привлекательнее. Лева сделал предложение Красавиной и не был отвергнут. В начале пятого курса студент Лева Блинштейн превратился в дипломника Льва Красавина. Старшее поколение обоих семейств против этого не возражало, к тому же скоро выяснилось, что тетя Кати Красавиной тоже была «из пираток». Но зато теперь инженер Лев Львович Красавин всего через год после окончания учебы стал «выездным». Впрочем, справедливости ради следует отметить, что он никогда и не был «выездным». Просто случая выяснить это не представлялось.

Поскольку техника для перекачки газа во все больших количествах в основном была импортной, то и ему, к удивлению многих, начали оформлять служебный паспорт для командировок сначала в Чехословакию, а потом и дальше. Лева достаточно быстро сориентировался в том, что к чему, и начал задумываться о будущем. Очень быстро жена была обеспечена большим количеством колготок и прочего, в доме появился вполне приличный японский магнитофон, а суточные уже в меньшей степени лимитировали его запросы. Просветителем у него оказался чех – эксперт из антикварного магазина на Пржихопе – известной улице старой Праги.

Милош помаленьку ругал коммунистов, но при этом они не мешали ему вести свой бизнес. В общем, Лева от него узнал, что настоящие коллекционеры это не те, кто толчется возле филателистических магазинов, покупая или продавая марки, монеты или значки. Работать надо с антиквариатом, с картинами, с музыкальными инструментами, со старинной мебелью. Правда, при слове «иконны», услышанном в пражском магазинчике в задней комнатке, где они с Милошем выпивали «по маленькой» привезенную им «Столичную», Леву едва «кондрашка» нехватила. К предметам культа он предпочел не прикасаться. И неважно, к какой религии они относились. Просто Лева уважал Бога, а он для всех един, что для протестантов, что для православных. И гневить его не стоит. А потому Лева сосредоточился на картинах, не отступаясь от марок.

Шустрая Катя оказалась весьма деловой и скоро уже сама начала разбираться в картинах, уверенно определяя цену того или иного передвижника. Лева, который мотался по командировкам, проходил поначалу в мире коллекционеров как «Катин муж», но постепенно, по мере того, как все больше времени проводил в столице, сам стал выходить на первый план этого бизнеса.

Вообще-то мир держится на сумасшедших, которых принято называть коллекционерами. Собирать можно все, что угодно. Говорят, что Маяковский коллекционировал карандаши. В Петербурге есть коллекционер, который начал собирать сначала клюшки, а потом шайбы, перчатки, шлемы, свитера и прочую атрибутику хоккейного мира. Но такой собиратель, в общем, безопасен, здесь и круг не слишком широк, да и нравы не столь свирепы.

Лева сначала собирал монеты и уже начал разбираться в них, как настоящий нумизмат, но... В один прекрасный день в конце семидесятых Катя твердо потребовала две тысячи

рублей – оказалось, что она приглядела пару этюдов – один Левитана, второй – Перова. И Лева, который в тот момент больше мечтал о «Жигуленке», решил довериться практичности Кати Красавиной, а вернее, той капле, которая перепала жене от «пиратки», позвонил знакомому нумизмату, предложив ему встретиться, посмотреть новые поступления в его коллекцию. Встретились, новых поступлений не было, но Лева предложил купить всю его коллекцию. Цену он запросил «хорошую», разумеется, больше, чем требовала жена, которая удачно принесла коньяк с лимоном и заварила настоящий кофе. Рецепт был известен в Европе, но в Москве гости их дома всегда восхищались Катиным мастерством. На самом деле она вливала в джезву две чайных ложки виски и кидала пару зернышек кардамона. Только своей давней подруге Наташе Ягурновой она раскрыла секрет, посоветовав именно «на кофе» поймать хорошего жениха.

Монеты принесли больше, чем нужно было для приобретения этюдов, а потому «дельту» Лева решил вложить в марки. И пошло...

У Львовича оказался хороший нюх на... опасности. Он несколько раз удачно продавал свои коллекции монет, однажды даже за день до того, как «коллега» навел на него милицию, указав на наличие в его доме большого количества золотых монет. Милиционеры нагрянули с намерением провести хороший обыск. Левин ларчик хотя и открылся для бригады следователей, но оказался пуст. Сыщики оказались опытными и с первых минут разговора в квартире поняли, что громкое «раскрытие» у них ушло из-под носа. Так что посмотрели кляссеры с марками, поинтересовались для очистки совести валютой и золотыми царскими «червонцами», выпили по чашке кофе с коньяком, убедившись заодно, что в баре нет тайника, и распрощались, посоветовав на прощание приглядеться к тем, кто его окружает. «Коллегу» он вычислил и со временем с ним красиво и жестоко рассчитался, впарив тому через какую-то «подставу» липового Айвазовского.

И вот теперь Львович сидел в кресле перед телевизором, дожидаясь, когда, наконец, начнутся вечерние новости. До них шел какой-то сериал, но он его не видел и не слышал – надоели эти одинаковые страсти и пальба на всех каналах. Львович думал о том, чем наполнена его жизнь. Он смотрел на французский буль, на белые стулья «почти из дворца», на висевшие на стене картины, некоторые из которых навевали настроение, другие просто радовали глаз, а смелые контуры двух «ню» будили уже начинающее смиряться воображение. Лева вновь пришел к выводу, что хотя жизнь в целом и удалась, но чего-то громкого, значительного он не сделал. Нет, не в области строительства газопроводов или еще чего-то. Ему хотелось иметь славу Костаки, хотелось найти что-то, чтобы все сняли сразу и одновременно шляпы, кепки, тубетейки, кипы и ермолки перед ним и его находкой.

И тут раздался телефонный звонок.

В комнате был почти идеальный порядок, перед отъездом на дачу Катя вытащила к ним домой, наконец, «королеву уборки» по имени Нина. Так что можно было без опаски разгуливать по светлomu полу. Не выпуская из руки телефонной трубки, Львович заходил по квартире.

– Неужели?! Правильно говорят люди – стоит посильнее подумать и оно свершится! – пробормотал Львович, завершив разговор. – Господи, неужели это правда, неужели эти парни подбираются к «Голубому Маврикию»?!

Конечно, Львович помнил старого отставного моряка, который когда-то приходил сам на «пяточок», подбирал кое-что для своей коллекции, иногда покупал, иногда менялся. И за столиком в кафе за «полтешком» коньяка он слушал историю о каком-то прадеде и его роковой любви... И на тебе.

Купить у них марку и потом отправить в Цюрих на аукцион? Но, во-первых, марки еще нет и неизвестно будет ли... Да и вообще, какие у них права на марку!? Это что? По принципу

новичкам и дурачкам везет? Марку надо перехватить, пусть потом доказывают, что она их собственная... Конечно, кодекс надо чтить, это еще завещал Остап Бендер... Но не до такой же степени...

– Все, берусь за настоящее дело, а то стал застаиваться в позе унылого пенсионера. Надо, надо, надо нам, ребята, – начал было он мурлыкать слова из песни Александры Пахмутовой времен его юности.

...Примерно через сорок минут Филипп подходил к своему подъезду пятиэтажки, находясь в приподнятом настроении, – наконец хоть кто-то не отмахнулся от его идеи. На коричневой скамейке, где в дневное время обычно грелись бабуси из подъезда, зорко контролируя вход-выход, метрах в десяти от входных дверей сидели двое парней.

– Филя, – почти ласково позвал Филиппа один из них. – Подойди к нам на минутку, есть небольшой вопрос.

Второй раз звать его не нужно было – Филипп по голосу понял, что это кто-то из подсланных от «Больших». А с такими лучше не связываться, да и ничем он не проштрафился, ни в какую историю не влип.

– Ты ведь с этими мужиками, когда они от Митрича пошли в кафе, был?

– Был, – отрицать что-либо не было смысла, да и незачем.

– И домой к ним ездил, – уже утвердительно говорил тот, на котором была коричневая кожаная куртка.

– Нет у них Маврикия, – поспешил Филипп, прекрасно понимая, к чему дело клонится.

– Открыл Америку... Это мы и без тебя знаем, дедуктивный метод имени мистера Холмса все-таки и нам знаком. А карты, о которых дед говорил еще в шестидесятые годы, когда нас с тобой и на свете не было, нашлись?

– Карты у них какие-то есть и дневники, – «запел» Филипп, понимая, что из этой ситуации надо выходить с минимальными потерями. – Но они решили их у какого-то своего приятеля проверить. На предмет их старинности. Приятеля называли Каталкиным, работает в МВД.

Филипп рассуждал прагматично – эти «морячки» для него пока только знакомцы, и прикрывать их ему ни к чему. Они за себя постоять могут спокойно. А вот ему амбалы могут и навалить по первое число. А быть битым ни за что ни про что в его планы не входило.

– Знаешь, Дим, а ведь он не врет, – вдруг вступил в разговор второй, с разбойничьей внешностью. – Если что, мы к тебе наведаемся. Сам понимаешь, дело очень деликатное и денежное. Так что помалкивай.

С этим парни встали со скамейки, кивнули Филиппу – мол, бывай здоров, – и пошли к не слишком приметному серому «Фольксвагену», стоявшему неподалеку.

Конечно, это печально, но если есть источник доходов, то к нему норовят припасть многие. Больше того, иные рассчитывают на использование грубой силы с целью отъема материальных ценностей. Филателия также входит в сферы интересов любителей легких денег. Что может быть проще – нашел марку, выдержал срок и реализовал ее. Но не случайно существует мафия, которая специализируется на предметах антиквариата, на предметах искусства. И коллекционеров раритетов порой снабжают именно «активисты» этой разновидности собирателей.

И когда абсолютно неожиданно для всего московского филателистического мира появились двое каких-то странных парней, которые каким-то образом связаны с «Маврикием», информация пошла по цепочке со скоростью телефонного разговора.

Львович дал задание разобраться, а дальше приказ пошел по новой цепочке. Дело оказалось гораздо серьезнее, чем просто «добыть» раритет у какого-то новичка. Опередивший мафию Филипп едва не испортил все дело, по крайней мере осложнил.

Но первая информация, которую донес Дима, не была особенно огорчительной. Собственно, трудно было ожидать, что марка в Москве. Но вероятность того, что она существует, имеется, а потому дело стоит того, чтобы им заняться. Правда, Львович сам был не на вершине пирамиды, а потому и рапортовал дальше, в Европу.

Львович посмотрел на часы и, сделав поправку на часовые пояса, позвонил в Прагу, старику Милошу, бросить, так сказать, пробный камень. Милош говорил почти нараспев, смешивая русские и чешские слова в одной фразе.

– Почекай хвильку, – сказал чех глуховатым голосом. – Так, говоришь, нашли «Голубого Мориса»?

– Нашли след. Нашли людей, которые знают, где он лежит, вернее, конверт с маркой.

– Давай так, будешь знать больше, звони, а я пока тут почекаю.

Губернатор Вильям Гомм, человек улыбочивый, охотно беседующий на двух языках, на английском и французском, осведомился о том, как проходит наш поход. Здесь я опять был толмачом для нашего Петра Степановича, хотя он и знает по-французски изрядно. Из нашего экипажа у губернатора были еще судовой доктор и старший штурман г-н Просветов.

«Вместе с губернатором были леди Гомм, его помощник, пришел и капитан порта. Но главным украшением этой чайной церемонии, начавшейся в пять часов с ударом часов на камине, была черноволосая Элизабет, племянница жены губернатора. Она не так давно приехала к дяде и тете погостить. Красивая девушка в основном молчала, но глазками стреляла так, что видно было: в ней столько живости, столько желания все узнать, все попробовать, что родственникам приходится с ней постоянно быть начеку. Когда чай был выпит и обязательный разговор закончился, Юхнин спросил у сэра Гомма разрешения, чтобы офицерам было дозволено сойти на берег и поселиться на время стоянки в гостинице. В это же время Петр Степанович, представив меня как члена Географического общества, спросил согласия губернатора на мои поездки в глубь острова для подготовки доклада о чудесной земле в центре Индийского океана.

Петр Степанович обладает способностью так вести беседу, что в тот момент, когда он доходит до необходимости получить согласие противной стороны на что-либо, собеседник уже очарован настолько, что слово «нет» ему и на язык не ложится».

И вот новоявленные филателисты вновь на кухне в квартирке Коршикова рассуждали о представившейся им возможности поправить дела и реализовать мечты, которые по-нынешнему называются проектами.

Теперь надо раздобыть миллионов пять рублей на проведение экспедиции. Когда пересчитали по курсу, оказалось, что пять миллионов в рублях только звучат громко, а на деле – не так уж это и много, если в мировом масштабе. Так что лучше пару сотен тысяч долларов. Даже лучше три сотни. А вообще – такое дело может потребовать и полмиллиона. Вот только, где его взять?

– Полмиллиона «зеленых»... – с огорчением хмыкнул Игнат.

– погоди, не кручинься, сокол ясный, рано вешать буйную головушку, – на старинный манер выговорил Василий. – Я тут подругу одного банкира снимал для обложки гламурного журнала, вот и познакомился с денежным мешком. Потом, кстати, для делового журнала самого банкира фотографировал – нормальный вроде мужик. Геннадий... как-то еще по отчету, надо найти визитку. Думаю, от меня шарaxаться не станет.

В солидном кабинете за рабочим столом сидел толстый господин в белой рубашке, на карманчике которой белым шелком была вышита монограмма. Шелковый галстук по новой моде не был затянут, да и верхняя пуговица не была застегнута, чтобы не затруднять дыхания. Он встал навстречу гостям, снял со стоявшей рядом мини-вешалки пиджак, на внутреннем

кармане которого мелькнула этикетка модной и дорогой итальянской фирмы, которая шьет чаще всего на заказ. Слишком у него была нестандартная фигура – широкие, как говорят, квадратные плечи бывшего штангиста, не успевшая расплыться талия. Но, главное, у него были крепкие руки, с которых еще не сошла мускулатура – видно, по утрам занимался гантелями и поддерживал форму. Он источал уверенность и в себе, и в своем банке. На средней полке стеллажа в стиле «хай тек» стоял в скромной рамке портрет президента России. Рядом, на всякий случай, в такой же рамке неподалеку портрет премьер-министра. Над ними и под ними были книги. Новые времена, не как раньше – большой портрет очередного члена политбюро на стене, теперь – скромнее, но с проявлением должного пиетета.

Геннадий расположился во главе модного нынче в солидных офисах полированного стола, у противоположного конца ютились Игнат с Филиппом, а ближе всех к банкиру в «деловом» кресле также «высокой моды» расположился Василий, который считался здесь почти своим поскольку бизнесом не занимался, а потому и не представлял никакой опасности.

Беседа еще не началась, когда в кабинет вошла симпатичная, тоненькая, модельного вида секретарша и вопросительно посмотрела на шефа. Она ничего не спрашивала, предоставив хозяину кабинета продемонстрировать уровень своего хлебосольства.

– Чай, кофе? – поинтересовался банкир. – Ирочка, мне зеленый чай и конфеты – у каждого свои слабости, а вы – кто что.

Ирочка посмотрела на гостей с некоторым интересом, особо улыбнулась и даже чуть кивнула Василию, которого она запомнила еще по его съемке шефа почти полугодовой давности.

Василий, кстати, и ее тогда сфотографировал и подарил Ирине хорошую фотографию, которую она отправила куда-то в Магнитогорск родителям.

Красотка удалилась, и можно было переходить к делу, ради которого и назначили встречу.

Наши герои изложили суть финансовой проблемы, завершив, впрочем, банально – для экспедиции нужен кредит.

На середине рассказа Василия вошла Ирочка с красивым подносом, на котором стояли чашки кофе и чая, вазочки с печеньем и конфетами. Такой набор на языке секретарш означает – мы вас уважаем и принимаем по высокому классу. Правда, не по высшему, без рюмки коньяка, но на это требуется особое расположение директора.

– На расходы жмуриться не стану, – кратко и четко, не совсем, конечно, командирским, но все-таки твердым тоном говорил Геннадий, проводя рукой по своей короткой стрижке. – Но под какие гарантии? Поручитель есть? Как вы понимаете, банковская жизнь заставляет играть по особым правилам.

Друзья переглянулись.

– Особый отдел МВД подойдет? – поинтересовался Игнат.

Банкир только крикнул. Такое поручительство выглядело как сигнал, что у этих парней есть крутая крыша.

– С такими поручителями можно хоть в госбанк, – как-то странно хмыкнув, утвердил он.

На следующий день, в обеденное время Игнат, Василий, Филипп и майор милиции Николай Каталкин, правда, он был в штатском костюме, общались в кафе возле консерватории. Каталкин, Игнат и Василий действительно «в прошлой жизни» были не просто «черными» офицерами – у моряков форма еще со времен Петра была черного цвета, за что и звали их «черными», – а офицерами элитного подразделения морского спецназа – улучшенного варианта морских пехотинцев, по международной терминологии – «морских котиков». Вместе воевали и в горячих точках. Такое не забывается, а потому доверяли друг другу во всем.

На небольшом круглом столике с крышкой под мрамор дымились, источая настоящий аромат благородного напитка, четыре чашки кофе. Каталкин взял себе капучино с белой пен-

ной молочной шапочкой, посыпанной ванилью, Василий крутил ложечкой сахар в чашке «американо» с молоком, а Игнат с Филиппом прихлебывали мелкими глоточками эспрессо. Аромат шел как раз от эспрессо. В кофейне было оживленно, много молодежи, кое-кто с футлярами скрипок, кто-то с папками нот. Василий поглядывал по сторонам, воздавая должное стройности юных девичьих фигур. Он прикидывал, как сфотографирует для своего будущего альбома солистку скрипачку, обязательно в темно-синем бархатном платье.

Каталкин внимательно осматривал «вещдоки», вот только что не нюхал старинные страницы. Ему особенно понравилось качество старинной бумаги – тонкая, идеально гладкая, чернила не расплывались.

– Карту дадим на экспертизу, – наконец вынес приговор Каталкин. – Дневники на спектральный анализ. Если все подлинное, за поручительство возьмем процент... Отныне будем называть его «НДС». Ну, еще отдельный процент мне. Отныне будем называть его «НЗ». Но это уже после завершения дела.

Сейчас с вас взять нечего, так что работаем на будущее, так сказать, в кредит.

После этого он сложил бумаги и дневник в конверт, допил кофе, вытер следы молока на рыжеватых усах и заторопился в министерство.

Василий расплатился за всех кредитной карточкой.

– Васька, так у тебя копейка все время была? – спросил Игнат и тут же поинтересовался, почему тогда, в «трудную минуту» он не предложил воспользоваться ею.

– Игнат, отвечу тебе анекдотом. В офисе фирмы появляется сотрудник и говорит: есть две новости: одна плохая, а вторая еще хуже. С какой начинать?

– Давай с плохой.

– Наш хозяин вчера проигрался в казино...

– О-о... Что же хуже?

– Он твердо решил сегодня отыграться...

– Понял, – хмыкнул Игнат. – Может быть, ты был прав.

Петр Степанович обладает способностью так вести беседу, что в тот момент, когда он доходит до необходимости получить согласие противной стороны на что-либо, собеседник уже очарован настолько, что слово «нет» ему и на язык не ложится.

«– Дядя, тетя, – тут же обратилась к ним Элизабет, – я тоже хочу посмотреть остров.

Мы ведь давно говорили об этом, но все не было попутчиков, а теперь это будет уже научная экспедиция с настоящим географом.

– Посмотрите, как покраснел этот молодой человек, – кивнула в мою сторону, чуть прищурив левый глаз, леди Гомм. – Не будешь ли ты его смущать?

– Нет, ни в коем случае, – возразила Элизабет.

И хотя в мои планы не входила такая попутчица, я оказался в безвыходной ситуации и сказал, что буду только рад, если юная леди поедет вместе с нами, и сделаю все возможное, чтобы экскурсия прошла успешно и познавательно.

Губернатор Гомм был весьма любезен и предложил офицерам и экипажу провести несколько дней на берегу, осмотреть достопримечательности, пока на борт погрузят запасы свежей воды и провизии».

В лаборатории МВД начальник лаборатории отдал «вещдоки», полученные от Каталкина, молодому эксперту, и через пятнадцать минут этот худенький, слащавого вида парнишка с тоненькой ниточкой черненьких усиков над верхней губой уже звонил из туалета по мобильнику. Одновременно он курил сигарету – так, мол, зашел покурить, а тут мне и позвонили. Все сошлось как никогда удачно – накануне к нему наведалься давний школьный приятель с каким-

то еще типом, и они попросили о небольшой услуге, если вдруг... А оно, это самое «вдруг», и случилось. И не надо из штанов выпрыгивать, не надо смотреть по всей лаборатории, не пришел ли этот самый заказ к кому-то другому. Теперь можно было рассчитывать на гонорар тысяч в тридцать рублей. А может, попробовать запросить и побольше?

А на сказочном острове из снов Игната – Маврикии, в роскошной двухэтажной вилле, расположившейся на крутом берегу, – параллельно событиям московским начинали разворачиваться свои события...

На утопавшей в ярко-красных цветах верхней веранде, с которой открывался фантастически красивый вид на другую сторону залива и на океан, а до желтых кокосов можно было рукой дотянуться, в плетеном кресле расположился Бруно – солидный господин в тонкой белой шелковой рубашке и легких бежевых шортах. На столике перед ним стоял высокий стакан с жидкостью цвета светлой соломы – все-таки виски с содовой в жару очень неплохо освежает. А беседовал он с юрким клерком в цветастой рубашке, контрастировавшей с белым угодливым и порочным лицом. При этом клерк ни на секунду не отрывался от мобильного телефона: он что-то выслушивал и тут же передавал боссу.

– Они просят заняться делом по их информации и готовы его финансировать, готовы перевести сразу десять тысяч долларов, – переводил клерк. – Просят указать счет...

– Хорошо, укажем, – пробурчал Бруно. – А могут они перевести в евро?

Хоть Маврикий и невелик остров, но и на нем есть все, что и в больших странах, где блага цивилизации неизбежно соседствуют с криминалом. К счастью, хорошая полиция, в смысле, хорошая по своей правильной организации, в случае серьезных правонарушений разбиралась быстро и, находя злоумышленника, быстро помещала его в кутузку. Судья выносил приговор и переходил к разбору нарушений на экономической ниве.

Что касается Бруно, то он специализировался на антиквариате и всяческих редких вещах, которые представляют интерес для гостей из Старого и Нового света. Наибольшую ценность все-таки представляли монеты, которые время от времени находились неподалеку от берега в самых неожиданных местах. Земля не извергала клады пиратов целиком, а так, по монетке-другой, чтобы не угасал интерес.

Разумеется, он готов был взяться за дело, но все-таки, дав согласие, решил запросить дополнительную информацию: с кем придется иметь дело, что за люди, что нужно найти и прочее, и прочее. А если понадобится помощь, то следует ли на нее рассчитывать? Словом, чем больше он раздумывал, тем больше появлялось дополнительных вопросов, которые не способствовали улучшению настроения.

Из рук начальника лаборатории Каталкин получил заключение эксперта: «Карта поддельная и не представляет никакого исторического интереса». Насторожила майора как раз «резюльция», которой не требовалось, да она и не предполагалась – «не представляет никакого исторического интереса». С какой стати эксперт такие слова пишет? Так что Николай, поразмыслив над этой фразой, отнесся к столь категоричному заключению с недоверием и решил убедиться в его правильности. Когда начальник сказал, что сам бумаг не читал – и без того дел много, сомнения Каталкина в правдивости заключения усилились. И он решил прибегнуть к своему способу «легкого, но убедительного контакта», чтобы узнать правду. В коридоре Каталкин, изобразив радость случайной встречи, по-товарищески так обнял юного эксперта, что это было больше похоже на прием из боевого самбо – только что не раздался треск ребер. Майор знал свои силы и не любил перегибать.

– А теперь говори, – ласковым шепотом произнес он, – правду говори, а не то, что написал в бумажке.

Парнишка раскололся «на раз». Выяснилось, что карта была подлинной – девятнадцатый век. Дневники уже скопировали. Да и вообще со всего комплекта сняли ксерокопии. А вообще, лучше бы оставить это дело... Тут такие крутые начали интересоваться...

Каталкину стало ясно, что дело действительно «вкусное», да и просто так отдавать НДС и НДС даже «крутым» не хотелось, к тому же он сам был парнем не промах и боялся только министра. Да и то как-то абстрактно, поскольку видел его всего один раз, когда получал из генеральских рук майорские погоны в связи с повышением в звании после удачно проведенного дела. Николай решил сам поучаствовать в разговоре с банкиром, а потому, на всякий случай, запросил через коллег на этого самого банкира информацию.

Болельщики шли могучим потоком на Малую арену Лужников на хоккей. Успешный столичный клуб «Динамо» принимал казанский «Ак Барс». Игра обещала быть увлекательной.

Майор Каталкин обзавелся приглашением в ВИП, где должен был сидеть и банкир, Геннадий Алексеевич Пыльнев. Разумеется, у них оказались соседние места.

– Добрый вечер, Геннадий Алексеевич, – приветствовал Николай банкира.

– Добрый, – машинально ответил Геннадий, укладывая нижнюю часть своего тела в бордовое плюшевое кресло. Потом он повернулся к Каталкину, пытаясь вспомнить, видел ли он этого курносого человека с открытым располагающим лицом и старомодной прической «волной». – Извините, что-то я вас не припоминаю по имени-отчеству.

– Так это неудивительно. Мы с вами до этой минуты и не были знакомы, – улыбка на лице собеседника была, можно сказать, дружеской. – Майор Николай Каталкин, спецотдел МВД.

– Вот те на... А я думал, на хоккей пришел...

– На хоккей, на хоккей, – поспешил Николай. – Просто мои друзья у вас недавно были и попросили, если встречусь с вами, замолвить за них словечко. Вот я и решил, так сказать, в неофициальной обстановке.

На душе у банкира стало чуть легче, и, хотя больших грехов в последнее время за собой и за банком он не припоминал, тем не менее всегда что-то может найтись.

– Пыльнев, – представился банкир и добавил: – Геннадий. Это вы, впрочем, и без меня знаете.

Динамовцы забили быстрый гол, и игра пошла в среднем темпе, без острых моментов у ворот. Как говорят порой сами хоккеисты – начали тачку катать.

– Так в чем суть вопроса? – поинтересовался банкир.

– Тут мои друзья приходили к вам с просьбой о кредите, намерены они на Маврикий съездить за какой-то маркой...

– Сумма там довольно большая, такие дела кредитный комитет решает.

– Конечно, – согласился Каталкин. – Но вы, к примеру, в июле 1998 года решения принимали единолично, за счет чего тогда и выиграли. Да и на переговорах в Англии решения принимали самостоятельно, английский язык у вас свободный, так что без переводчика обходились. Да и хинди вы, наверно, не забыли.

– Что, тоже в нашем колледже учились? – поинтересовался банкир, употребив название ИСАА, которое было принято между своими, студентами этого некогда элитного института.

– Нет, служил в «котиках». А потом списали на берег, и попал в МВД.

– Слава Богу, компетентных людей стали брать в милицию, – с некоторым одобрением констатировал Геннадий.

В перерыве болельщики из ВИПа прошли в заднюю комнату к фуршетному столу. Там стояли рюмки с водкой, в широких стаканах было виски, в небольшом серебряном, а может быть, просто мельхиоровом ведерке лежали кубики льда. На больших тарелках были выложены бутербродики на «спичках». Желающие могли у официанта, стоявшего наготове, попросить вина.

– Ну, за удачу ваших друзей, – Пыльнев, взяв щипцами кубик льда и как-то нежно, без брызг опустив его в виски, поднял стакан, дав понять, что к теме кредита возвращаться не стоит.

– Спасибо, – коротко ответил Каталкин, взяв в руку рюмку водки. – За приятное знакомство.

Новые знакомцы чокнулись, как бы скрепляя по русской традиции достигнутые договоренности.

И действительно, зачем владельцу банка согласовывать любой чих с кредитным комитетом? Ну, пусть не чих, а нечто громче, но все-таки...

«Губернатор Гомм был весьма любезен и предложил офицерам и экипажу провести несколько дней на берегу, пока на борт погрузят запасы свежей воды и провизии, осмотреть достопримечательности.

На второй день стоянки корвета, как и было договорено с командиром, я отправился в сопровождении помощника губернатора и юной Элизабет осматривать северную часть острова. Рассчитывали мы на двухдневную экспедицию и соответственно взяли с собой припасов на три дня. А когда вернулись к полудню третьего дня, оказалось, что корвет срочно снялся с якоря и ушел в океан. Объяснение было простым – на корабле обнаружился тяжелобольной матрос – то ли чумой, то ли холерой, а может быть, и желтой лихорадкой, а потому поместили его в лазарет и, чтобы не заразить островитян, ушли в океан. Как преставится матросик, так – по морским правилам – тело в саван и в морскую пучину. Для меня оставили у губернатора деньги и письмо, мол, при случае, на каком-нибудь попутном французском или английском судне, возвращайся в Европу, ждать тебя не могли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.